

ВЕЩЬ – ОБРАЗ – СИМВОЛ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

О.А. ЛОБАЧЕВСКАЯ
(Минск)

ОБЫДЕННОЕ ПОЛОТЕНЦЕ: МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ РИТУАЛА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В БЕЛАРУСИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

В известной статье «"Обыденные" полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи)» (1911 г.) Д.К. Зеленин назвал архаический ритуал изготовления обыденной ткани «белорусским обычаем», и даже «исключительно белорусским» [Зеленин 1994, 193]. Опираясь на факты, зафиксированные этнографами XIX в. (А.Е. Богдановичем, П.В. Шейном, А.К. Сержпутовским, М. Федоровским, И. Эрэмичем, Е. Тышкевичем и др.), он отметил, что обычай этот широко распространен в Беларуси и пользуется большой известностью [Там же, 194–199].

Обычай изготовления обыденного полотенца – *абыдзёння* – в течение одного дня (от восхода до захода солнца) или одной ночи (от захода до восхода солнца) сохранялся у белорусов до середины XX в. Его описания содержатся в Полесском архиве Института славяноведения РАН (Москва). В 2000 г. опубликована статья Г.И. Лопатина «К вопросу изучения обыденных тканей на Ветковщине», в которой приведены девятнадцать текстов об изготовлении обыденных тканей, записанных сотрудниками Ветковского музея народного творчества [Лопатин 2000].

В последнее десятилетие сотрудникам Белорусского государственного института проблем культуры удалось собрать много-

численные устные свидетельства совершения этого древнего магического ритуала. Опираясь на сведения, полученные в двадцати населенных пунктах во всех областях Беларуси (за исключением Витебской обл.), мы уже сегодня можем сделать некоторые предварительные выводы о степени сохранности ритуала изготовления обыденного ручника¹. Так, еще в 1920 – 1940-е гг. он бытовал в Беларуси фактически повсеместно, причем и среди православных, и среди католиков. Массово к нему прибегали во время Второй мировой войны. Вероятно, именно первые послевоенные годы являются той хронологической границей, когда ритуал уже перестали практиковать и из активной формы бытования он перешел в пассивную (т.е. сохранилась только память о нем).

В белорусских деревнях еще живет поколение женщин, которые в детстве сами принимали участие в коллективном изготовлении обыденного ручника. Особенно ценные сведения были записаны от непосредственных участниц и наблюдательниц процесса изготовления обыденной ткани: В.В. Денисевской, 1908 г.р., из д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.; А.А. Супрун, 1918 г.р., из д. М. Автюки Калининковского р-на Гомельской обл.; К.Я. Галь, 1922 г.р., из д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.; М.П. Занько, 1924 г.р., и С.Ф. Волк, 1926 г.р., из д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.; В.Ф. Цимбалист, 1925 г.р., из д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.

¹ В населенных пунктах, отмеченных звездочкой*, записи сделаны И.Ю. Смирновой, в остальных – автором статьи. Материалы после обработки будут переданы на хранение в архив Белорусского государственного института проблем культуры (Минск).

Изготовление обыденной ткани – событие экстраординарное, к нему прибегали в исключительных случаях. Память о нем передается из поколения в поколение – от бабушки, матери, свекрови. Например, А.О. Сачок, 1915 г.р., помнит рассказ свекрови об обыденном ручнике, который выткали, чтобы вызвать дождь в д. Холстово Зельвенского р-на Гродненской обл. Хранят в своей памяти рассказы об этих событиях информанты 1930 – 1940-х гг. рождения. В некоторых населенных пунктах (д. Люсино Ганцавичского р-на и д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл., д. Ковшево Зельвенского р-на Гродненской обл.) удалось сделать несколько интервью, что позволило уточнить детали ритуала и проверить подлинность сообщенных фактов.

Собранные сведения дают возможность существенно расширить наши представления об этом архаическом ритуале, реконструировать некоторые важные детали, отсутствующие в описаниях этнографов конца XIX – начала XX в. Например, нам удалось собрать сведения о внешнем облике обыденных ручников, о распределении технологических операций между участниками ритуала; дополнить сведения о различных обрядовых действиях с тканью, местах ее локализации на завершающей стадии обряда. Всё это позволяет более глубоко проникнуть в семантику ритуала изготовления обыденной ткани, реконструировать его общую картину и отдельные детали. При сопоставлении полученных нами материалов с ранее опубликованными предоставляется возможность проследить процесс трансформации этого архаического ритуала в первой половине XX в.

Обыденные полотенца в Беларуси именуются *абудзённік*, *абудзённы оброк*, *дняўнік*, *ручнік-аброк*, *будзённыя ручнікі*, *будзёнаўка*, *сутачны*, *абудзённыя ручнік* [Лопатин 2000], *намётка* [Зеленин 1994, 196]. Наши материалы позволяют добавить к этому ряду следующие названия: *дзённік* / *абудзённік* (д. Велятичи Борисовского р-на Минской обл.), *набожнік* (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.), *аброк* (д. Оброво Ивацевичского р-на Брест-

ской обл.), *стамесачка* (д. Романовка Мозырского р-на Гомельской обл.), *радавы ручнік* (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.).

Большая часть названий определяет временные параметры, длительность изготовления ручника: за одни сутки, за один день – *аб адзін дзень* и характеризует ритуальный предмет как однодневный. Более семантически наполнены названия «оброк», «жертва» и то повсеместно распространенное определение, которое дается всему операционному комплексу ритуала, – *обрэкаліся*, *оброк* (д. Дворец Лунинецкого р-на Брестской обл.), *обрэкліся* (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.), *абракаліся* (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*; д. Кoryтница Бельничского р-на Могилевской обл.), *жэртву делалі* (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.).

Для понимания семантики обыденного ручника большой интерес, на наш взгляд, представляет название *радавы ручнік*². Оно отражает высокий семиотический статус, жизненно важное значение этого ритуального предмета для всего деревенского социума в его первичной форме – рода, сообщества кровных родственников. Название *радавы ручнік* в народном сознании закрепило отношение к коллективным усилиям по его изготовлению как к явлению экстраординарному, в отличие от названия *абудзённік*, которое зафиксировало ограниченность длительности ритуала в течение одного дня / ночи. Определение обыденного ручника как «родового» ручника вбирает в себя сложный комплекс основополагающих представлений человека традиционной культуры.

Информанты всегда подчеркивают коллективный характер изготовления обыденного ручника. В нем участвовала вся деревня / род, женщины и мужчины: «*Уся дзярэўня рабіла*» (д. Кoryтница Бельничского р-на

¹ Зап. О.А. Лобачевской от М.П. Занько, 1924 г.р., которая сказала: «*І я была в гэтым деле. Я шчэ была малая*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.). На вопрос, не назывался ли такой ручник *абыдзённік*, информантка с уверенностью повторила: «*Радавы ручнік*» (название *абыдзённік* ей было незнакомо).

Могилевской обл.); «*Уся дзярэўня, усе жэншчыны*» (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*); «*Гэта не адзін чалавек, а весь пасёлак робіць. Усе робілі, адзін же не зробіш*» (д. Велятичи Борисовского р-на Минской обл.); «*Усе сабраліся*» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*). В описаниях операционной части ритуала через характерные для традиционной картины мира представления о материалах и ремеслах выразительно выявлена оппозиция мужского / женского: мужское дерево (сборка ткацкого станка, изготовление креста), женский лен (прядение, витье, ткачество). Весь комплекс ритуальных действий – прядение, ткачество, а также изготовление и установка крестов – производился одновременно: «*Пралі, ткалі і рабілі красты ў тую ноч. Мы там пралі-ткалі, а там ставілі*» (д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл.); «*Мужчыны ўжэ і крыжы повбіваюць по дорогах тых*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.). Завершающая стадия ритуала – это обход селения всеми его участниками с обыденной тканью, иконой, молебн в церкви, водружение ручника на обетный крест и другие совместные ритуальные действия. Таким образом, оппозиционность мужского / женского исчерпывалась в центральной части ритуала. В финале обособленное мужское и женское сливались воедино, соединялись в род. Обыденная ткань и должна была охранять весь род, приобретая в ходе ритуала качества коллективного оберега³.

Род – единство потомков одного предка – является одним из ключевых понятий традиционной этнокультуры белорусов. Не случайно оно пронизывает свадебный фольклор белорусов: «*Да збіраючы род пры род*», «*Да й ад роду адлучаецца*», «*Усё пры роду да пры племені*» и др. Столь важные для человека связи кровного родства с точки зрения истории и мифологии славян восходят к первопредку – Роду, божество которого, воплощающее единство рода, почиталось

славянами. Обыденный ручник как ручник родовой – это жертва, дань божеству Роду [Иванов, Топоров 1997, 385]. В дохристианский период славяне в кризисные моменты, угрожающие существованию рода (социума), при обострении конфликта в основополагающей оппозиции жизнь / смерть апеллировали к этому важнейшему божеству, которое, по их представлениям, обладало способностью даровать жизнь, плодородие.

В христианской культуре божество Рода замещает Бог. В христианизированной форме ритуала ручник вступает в коммуникацию с Богом в сакральных локусах, выделенных сакральными объектами: крест, церковь, часовня. Жертва должна восстановить утраченные связи с Богом: «*Жертву делалі, прасілі, каб Бог такога ўжэ не даваў*» (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.). Посредством изготовления обыденной ткани и последующего за этим принесения ее в жертву (сжигание, помещение на крест, в церковь) достигалась цель ритуала – восстановить нарушенный порядок и укрепить границу между мирами [Байбурин 1993, 183].

В высказываниях информантов прослеживается глубина коллективной памяти, которая в кризисные моменты оказывалась способной актуализировать ритуальную стратегию разрешения конфликта – изготовление обыденного / родового ручника / жертвы / оброка: «*Так паложена было*» (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.). Интенция ритуала возникает в недрах коллектива (социума) и не принадлежит кому-либо персонально: «*Война была. А гэтыя ж людзі: "Ой-ой, война-война! Давайце оброк такі мы здэлаем! Ага, давайце за ноч і напрадам, і выткём, і павешаем ручнікі"*. Кажуць: "*Трэба гэтак зробіць нам*"» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.); «*Было сказана, што за адну ноч далжно быць зроблена*» (д. Белая Сморгонского р-на Гродненской обл.*); «*Казалі, трэба напрасці, наснаваць і выткаць за анныя суткі*» (д. Холстово Зельвенского р-на Гродненской обл.*); «*Самы людзі так падумалі, што нужна прасіць Бога, каб Бог памог*» (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.); «*Все сабраліся і дагаварыліся, што трэба сабрацца ў адную хату і паставіць*

³ Наши рассуждения подкрепляются также текстом, записанным Г.И. Лопатыным. Когда в семье умирали дети, ритуал с обыденной тканью совершался только членами семьи, кровными родственниками – *сроднікамі* [Лопатын 2000, 111].

кросны» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*). Подчеркнем присутствующую во всех высказываниях формулу коллективной мотивации и характера принятия решения обратиться к ритуалу: «*было сказана*», «*казалі*», «*самы людзі так падумалі*», «*все сабраліся і дагаварыліся*». Вместе с тем инициаторами ритуала, как правило, были женщины: «*Жэнішчыны рашылі, паставілі кросны ў адной хаце*» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*). Они же являлись исполнителями его главной магической части: изготавливали сакральную ткань.

Ритуальная коммуникация коллектива с Богом априори предполагает благополучное разрешение кризиса, восстановление нарушенного порядка. Все наши информанты завершали свои рассказы утверждением результативности ритуала: «*Чудам асталася наша вёска! З-за гэтых крэстов*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.); «*Нашэ ж сэло асталося нерушымэ. Хотелі спаліць. Хотелі, але Бог одны, Бог нэ пустыв іх*» (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.); «*Павеслі (ручник. – О.Л.) на той крэст, і не сталі ўміраць людзі*» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*); «*І выткалі, і андеслі (на крест. – О.Л.), і дождж пашоў. Трэба Бога прасіці, вераваць Богу. Дапамагло*» (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.).

Собранные нами сведения об обыденных тканях укладываются в принятую схему их классификации⁴, хотя в количественном отношении они распределяются неравномерно.

Наибольшее число случаев отправления ритуала было вызвано засухой (нарушением баланса водной стихии): «*Каб дождж ішоў, у Бога прасяць*» (д. Велятичи Борисовского р-на Минской обл.); «*Як дажджу мала ці што, збіраюцца ў адной хаце, каб спасці, выткаць ручнік*» (х. Тальковцы Волковыского р-на* и д. Холстово Зельвенского р-на Гродненской обл.*); «*Калі дажджу не*

было, суша» (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.).

Чаще оброчные ситуации были спровоцированы эпидемиями (вторжениями стихии / болезни / смерти в пространство культуры / жизни): «*У нас некалі надто мэрлі людзі. Прама була нека чума, болель такая була і мэрлі людзі*» (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.); «*Для того, шчо людэ мэрлі. Був тіф і вобшчэ бувалі разныя болельні. І людзі віткалі того ручніка і обнеслі, обрэкліся*» (Там же); «*Разныя балельні былі, хадзілі, вот людзі абракаліся*» (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*); «*Каб людзі не ўміралі так хутко*» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*).

Лишь один пример относится к мору скота (вторжению стихии / болезни): «*На худобу обрэкаліся, оброк*» (д. Дворец Лунинецкого р-на Брестской обл.), – в то время как в материалах конца XIX – начала XX в. эта причина обращения к ритуалу была самой распространенной [Зеленин 1994, 194–197, 199–203].

Наибольшее количество фактов изготовления обыденной ткани связано с войной (стихийное бедствие, нарушение равновесия, вторжение «чужих»), а именно – Второй мировой войной: «*Ставілі кресты ў асновым ва врэмя вайны, пры немцах, калі убівалі людзей*» (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*); «*Эта асцерагалі дзярэўню.... Каб была цэла вёска. Этак было ва врэмя вайны. Абракаліся – шчо каб нашу вёску не зачпалі*» (д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл.); «*Бояліся так вайны*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.). Отметим, что Д.К. Зеленин не приводит ни одного факта обыденного оброка, вызванного войной. В классификацию причин, которые вызывали к жизни ритуал, война введена уже исследователями нашего времени. Вместе с тем на неизвестны публикации о фактах изготовления обыденных тканей в годы Первой мировой войны⁵.

⁴ Использована классификация оброчных крестов О.В. Лысенко (рукопись).

⁵ Возможно, такая информация имеется в материалах Полесского архива, который собирается с конца 1960 – начала 1970-х гг.

Хронологический диапазон выявленных нами фактов изготовления обыденных тканей ограничен периодом 1920 – 1940-х гг. Сведения, относящиеся к более раннему времени, отсутствуют по вполне объективной причине: годы рождения самых старших наших информантов приходятся на два первых десятилетия XX в. Последние случаи отправления ритуала относятся к 1947 – 1948 гг. Это верхняя временная граница, после которой «живая» традиция изготовления обыденных тканей в Беларуси обрывается.

На Гродненщине ткали обыденный ручник в 1941 – 1942 гг. – *«пры немцах, калі убівалі людзей»* (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*); *«ад вайны, ад немцаў»* (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.). В д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл. обыденный ручник был выткан после 15 сентября 1942 г., когда немцы убили шесть местных жителей, в том числе евреев, и нависла реальная угроза, что деревню сожгут, как сожгли Выгонощи, Бобровичи и другие близлежащие деревни: *«Побілі Бобровічы, Вігоношча – тые сёла побілі. А до нас прыбіраліся. В нас хотелі спаліці село. А в нас обрэкліся і за ноч напралі, основалі і віткали ручныка. Рады булі, што жывы зсталіся, да того оброка вытыкалі»*. После войны, в 1947 – 1948 гг., в этой же деревне вновь прибегли к обыденному ритуалу, так как свирепствовала эпидемия – была «чума» и *«надта мерлі людзі»*.

В Западной Беларуси, которая входила в состав Польши, отмечены факты изготовления обыденной ткани в 1939 г., причем информанты связывают эти события именно с войной. В д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл. М.П. Занько, 1924 г.р., которая сама была участницей обряда, рассказывала, что ткали обыденное полотенце, *«як война ішла»*. При этом она конкретизировала: *«Але доўго шчэ не было войны. Не было, да ўжэ прышлі к нам не немцы, да рускіе»*. Возможно, к ритуалу прибегли, когда немцы напали на Польшу и началась Вторая мировая война. Однако это событие могло произойти и после того, как в присоединенной Западной Беларуси советская власть

насилованными методами начала организовывать колхозы: *«Ужэ была зіма, але осенню, шчэ до Коляд, пэрэд святам, пэрэд Рождеством»*. В соседних деревнях эти события происходили именно зимой 1939 г. Они оценивались крестьянами как война, как угроза их привычному образу жизни.

* * *

Во всех известных нам описаниях ритуала зафиксировано, что его участницы – женщины собирались в один дом, где и изготавливали обыденный ручник. Наши информанты подтвердили это: *«Усе жаншчыны сабраліся в адну хату і саткалі палаценцы»* (д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл.); *«Все сабраліся і дагаварыліся, што трэба сабрацца у адную хату і паставіць кросны»* (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*). Не редкость, когда местные жители показывают дом, где ткали ручник, называют имена его хозяев.

Имеется два примера другой локализации процесса изготовления ритуальной ткани. Так, в д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл. во время войны ткали одновременно не один, а три ручника (причем каждый из них ткали в отдельном месте: *«Саткалі тры ручнікі. Аднаўрэменная ў трох хатах работалі, за адну ноч пралі, ткалі»*). Эти ручники повесили на кресты, сделанные в ту же ночь. Такое «утроение» ритуала могло быть вызвано количеством крестов, которые ставили в начале, в конце и в центре деревни – на перекрестке. Однако ритуальная стратегия утроения – три ручника, три хаты – вряд ли обусловлена лишь реальной топографией деревни. Прием утроения пронизывает фольклорную стихию: он встречается в сказках, в текстах заговоров, в поговорках, в свадебных песнях. Число «три» сакрально и в силу триединства Божественной Троицы.

Ценная для понимания семантики ритуала информация о месте изготовления обыденного ручника была записана в д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл. от А.А. Супрун, 1918 г.р.: *«На варотах выткалі. Брама – палку паклалі, саснавалі, зрабілі нібы кросна – да і выткалі. Палку*

наклалі, матузы начаплялі і так, нібы ў хаце ткалі. І навой быў, і бёрды, навой строілі, як ў хаце кросны тыя. Так паложена было – трэба на вуліцэ выткаць, так і ткалі». **Набожнік** выткалі здесь во время засухи, «калі дажжу не было». Такая стратегия ритуального поведения, преодолевающего технологические трудности изготовления ткани в непривычном для участников, мало приспособленном для таких целей месте, была обусловлена, как представляется, не только традицией ритуала – «трэба на вуліцэ выткаць». Изготовление ритуальной ткани на воротах, которые маркируют границу между пространством освоенным, культурным и неосвоенным, стихийным, – одно из очевидных свидетельств глубокой архаичности этого ритуала.

Такие концепты и семантические оппозиции традиционной картины мира, как «свой / чужой», «природа / культура», реально прослеживаются в обрядовом и повседневном поведении полесских крестьян первой половины XX в. Приведенный пример может быть соотнесен с нашими рассуждениями об обыденном ручнике как родовом ручнике. Ворота, где создается ритуальный предмет, – это граница между «своим» и «чужим» пространством, граница двора, дома – территории, освоенной одной семьей / родом (т.е. группой кровных родственников). Как известно, еще в начале XX в. в белорусском Полесье большая патриархальная семья, живущая в одном доме⁶, не была редкостью. Пример ритуального изготовления обыденного ручника в д. М. Автюки демонстрирует сохранность рудиментов родовой архаики.

В большинстве известных нам случаев к ритуалу прибегали для обеспечения защиты всего деревенского социума / коллектива и с этой целью на завершающей его стадии с обыденной тканью обходили вокруг селения. В д. М. Автюки обыденный ритуал завершился по-христиански: икону и вытканый ручник-набожник занесли в церковь после обхода села. Таким образом, ритуал представляет собой сплетение языческой архаики и христианских традиций.

* * *

Этнографы конца XIX – начала XX в. оставили весьма скудные сведения о внешнем виде обыденного полотенца, его размерах. В статье Д.К. Зеленина имеется указание, что один из ритуальных предметов имел в длину 6 аршин и был узким, два других были «вышиты узорами» [Зеленин 1994, 195–197]. В музеях сохранился уникальный образец – обыденный ручник из д. Теребегов Столинского р-на Брестской обл. Он был приобретен в местной церкви в 1905 г. белорусским этнографом А.К. Сержпутовским [РЭМ, колл.1225 – 152]⁷. Собранные нами сведения позволяют дать этому ритуальному предмету более подробную метрическую характеристику, описать его облик. Особенно ценная информация о внешнем виде обыденного ручника, его параметрах, способах украшения получена от тех информантов, которые принимали непосредственное участие в ритуале или были его непосредственными наблюдателями.

Ширина полотна была, по всей видимости, меньше, чем ширина обычного холста (примерно 40 см). О длине ручника собраны противоречивые сведения. Известно, что обыденные ручники были короткими, но все же большинство информантов указывали на то, что стремились выткать как можно более длинный ручник: «Воно було вузенькэ – тэ полотно. Можэ, большае, як ручнік» (д. Кожан-Городок Лунинецкого р-на Брестской обл.); «Не шырока, бо много прасці, ткаць. Шыроіной да 25 см. І то короценькіе. І то, за ноч много не зробіш» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.); «Длінаваты такі быў, таму што завязаны, вісеў (на кресте. – О.Л.)» (д. Белая Сморгонского р-на Гродненской обл.*). В д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл. был выткан ручник, длина которого была равна ширине церкви: «І выткалі ручнік на всю цэрков. Попэрок цэркві выткалі». В д. Люсино ткали короткие оброчные ручники – до 1,5 м, т.е. такой же длины, как ручники, что вешали в доме в качестве украшения «на крук».

Длина ручника определялась объективными факторами: временем года, когда выполнялся ритуал, – чем длиннее были день

⁶ По экспедиционным материалам автора, до шестнадцати человек в одном доме.

⁷ См.: [Маслова 1984, 104 (ил. 31)].

или ночь, тем длиннее можно было выткать ручник; количеством участниц обыденного тканья и их сноровкой: *«Большой, длинны, два с палавінай – тры метры, як яны усьпеюць да ўтра»* (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*); *«Мэтра два было, многа ж не вытчэш за ноч»* (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*). Очевидно при этом, что участницы ритуала стремились выткать ручник как можно длиннее. А.К. Сержпутовский в 1906 г. зафиксировал в д. Большой Рожан Солигорского р-на Минской обл., что женщины выткали обыденный ручник такой длинны, что смогли опоясать церковь три раза [Толстой 1995, 106–107].

На Гродненщине ритуальная ткань представляла собой чаще всего простое полотно без какого-либо дополнительного украшения: *«Палаценца суравое, як лён»* (д. Белая Сморгонского р-на Гродненской обл.*); *«Абыкнавенны такі рушнік, небелены, суравой, адінакавы. Не ператыканы»* (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*); *«Ткалі палаценца прастыя лляныя, што б за адну ноч напрасці, наткаць»* (Там же); *«Серое, не беленае, у чатыры нічальніцы, беражкоў чырвоных не было»* (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.). Материалы же из Полесья свидетельствуют о том, что обыденный ручник имел композиционное завершение по краям – красные полосы или несложный переборный узор: *«Трошкі ператыкалі горэньм. По два зубчыкі, по тры чырвоных. Шоб пахожы на ручнічок быв, куды ж – аднэ полотно? Такія вузенькія, ператыкалі чырвоным»* (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.); *«Клубочкі збірала, запалач насіла, беллю ткалі. Ручнік такі самы, як на кут»* (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.). В д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл. обыденный ручник был переткан по всей длине красными полосками, как и традиционные для этой местности ручники-набожники: *«Булі, скрозь по всьму натканыя, був гэтакі самы ручнік»*. Разница заключалась лишь в том, что полосок на ритуальном ручнике было меньше. О том, что полесские ритуальные ткани, вытканые за одну ночь или день, перетыкались красными нитками – *«горынем»*, *«запалачу»* –

свидетельствует обыденный ручник из собрания РЭМ. На одном из его концов имеется 28 тонких красных полосок – по числу женщин-участниц ритуала, а другой конец ручника завершён только одной полоской.

Таким образом, можно говорить о том, что обыденные полотенца ткали, соотносясь с местной традицией украшения ручников-набожников. Все свидетельства украшения обыденной ткани вышивкой, которая выполнялась одновременно с ее тканьем, были получены на Гродненщине, где в среде католиков было принято вышивать тканые полотенца: *«І там і пралі, і там і снавалі, там і кросны зразу ткалі, і вышывалі яго»* (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*).

Кроме записи вербальных сообщений были выявлены и сами артефакты, созданные в результате обыденного ритуала. В 2003 г. в кладбищенской часовне д. Корытница Бельничского р-на Могилевской обл. удалось обнаружить два обыденных ручника. Часовня недавно была отремонтирована, освящена и теперь используется как храм – на большие праздники сюда приезжает священник из районного центра. Два обыденных ручника висели в часовне с правой стороны по углам и были органично включены в систему декоративного убранства ее интерьера ручниками. По словам местных жительниц, ручники были изготовлены их матерями в 1942 или 1943 г. за одну ночь с соблюдением всего комплекса ритуала от прядения нити, снования до тканья и выполнения магических действий с готовой тканью.

Один из ручников удалось приобрести с целью последующей передачи его в музей. Ручник льняной, слегка отбеленный (возможно в результате последующих стирок). Его длина 360 см, на одном конце – 9 перетканых полосок. Перетыкали ручник чем придется: пряденой ватой и распущенным упаковочным шпагатом, окрашенными нестойкой краской (в Восточной Беларуси красные хлопчатобумажные нитки, которые использовались в узорном ткачестве в начале XX в., были в это время в дефиците). На перетканном конце имеется небольшая бахрома из ниток основы. Можно предположить, что ручник начинали ткать именно с

перетканного конца, а далее ткали простое полотно и завершали его также полосками. При разрезании ткани на два ручника концы без узора подрубали льняной ниткой.

* * *

Для понимания сущности ритуала, к которому прибегали в экстраординарных ситуациях, важна эмоциональная оценка участниками результатов выполненной ими работы. Восхищение, как правило, вызывало хорошее качество и красота ручника, которые достигались несмотря на быстрый темп работы: «*За дзень пазбіралі і выткалі на царкву. Хорошэ выткалі*» (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.). Женщины, знающие о ритуале по рассказам матерей, не скрывали своего удивления фактом совершенного ими: «*Гэта ж нада было ручанькі чалавеку!*» (д. Корытница Бельничского р-на Могилевской обл.).

Ткань-жертва изготавливалась с соблюдением определенных условий (ритуальное время, ритуальная чистота участников и т.п.). Ритуалу предшествовал пост: «*Нічэга не елі*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.; д. Корытница Бельничского р-на Могилевской обл.); «*Жанчыны ў гэты дзень пасцілі*» (д. Корытница Бельничского р-на Могилевской обл.). Количество участниц изготовления полотенца и их возрастной состав могли быть различными: порядка 20 женщин в основном старшего возраста (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.); 10 человек – «*всякія, якія толькі маглі*» (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.); «*Дзеўкі былі і жэнішчыны былі, старых мало. Многа было, каб палічыў*» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*); «*Прыхадзілі в одну хату ўсе, і жэнішчыны, і дэвушкі, і ўдовы, і дзеці, все-все, прыносілі лен, па жмёнькі*» (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*). Каждая приносила свой материал, в основном чесаный лен: «*Збіраюцца – хто пучок, хто клубочак. Хто што нёс на набожнік*» (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.). Для изготовления обыденного ручника брали лен, считавшийся апотропейным растением: «*Абудзённік са льну, без ільна абудзённіка не рабілі*» (д. Корытница Бельничского р-на Могилевской обл.).

Все наши информанты перечисляли полный комплекс действий по изготовлению ритуальной ткани, который совпадает с процессом изготовления простого полотна: пряжение нити, ее свивание, снование основы, навивка основы на ткацкий станок, тканье на четырех ремизках. Количество ткацкой основы зависело от количества ручников, которые намеривались выткать. Нередко ткали сразу несколько полотенец: «*Саткалі тры ручнікі*» (д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл.); «*А жэнішчыны за ноч напралі і выткалі палаценца*» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*). В бывшем местечке Кажан-Городок Лунинецкого р-на Брестской обл. в 1930-е гг. выткали не менее четырех ручников – к двум уже стоявшим крестам и к двум новым, только что воздвигнутым обетным крестам. На один длинный ручник сновали одну стену (губку) основы: «*Гібу – такі ручнік быў*» (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.). В том случае, если ткали несколько ручников, сновали четыре-пять губок (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.).

Все технологические операции по изготовлению ручника выполнялось одновременно и очень быстро. Из напряденных ниток тут же сновали основу и навивали ее на ткацкий станок. В это же время другие участницы продолжали прясть нитки и наматывать цевки для утка, а за ткацким станком менялись ткачихи: «*Адныя пралі, другія снавалі, трэція ткалі*» (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*); «*І ткалі быстрэнько: тые ткуць, тые ўжэ снуюць, тые на нэрэкіданне*» (д. Кажан-Городок Лунинецкого р-на Брестской обл.); «*Напралі і од разочку білі колы і губку ці дэўе сновалі. Раптовно вжэ мужчыны збіваюць става, вжэ навіваюць. А гэтыя бабы ўжэ прадуць, хучэй ўжэ прадзем. І зразуяк пралі мокрэ і тымі ручайкамі снавалі, снавалі*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.); «*Тэе прадэ, тэе сучэ, тэе снуе і накідалі за ноч і выткалі*» (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.). Пряли в основном девушки, а женщины ткали (д. Ковшево Мостовского р-на Гродненской обл.*). Такое распределение технологических операций обуславливалось, в первую очередь фактором времени: женщины имели бол

ше ремесленного опыта и ткали быстрее, чем девушки. В доме, где ткался обыденный ручник, могли присутствовать мужчины. Они собирали ткацкий станок, подготавливали сновалку для основы или просто «дывыліся» (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.).

А.Е. Богданович, описавший в конце XIX в. обряд изготовления обыденного ручника, отметил, что всё делалось «в глубоком молчании» (цит. по: [Зеленин 1994, 194]). Наши материалы подтверждают факт ритуального молчания: «*І ніхто да кога не гаварыў*» (д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл.). Вместе с тем, рассказывают, что в годы войны люди при этом молились: «*Гомонілі, шоб не побілі немцы. Моліліся*» (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.). Некоторым удалось вспомнить вербальные формулы, сопровождавшие ритуал: «*Не допусці, Божска, до войны. Каб мы жывы былі, каб дзеткі нашы жывыя былі*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.).

Готовое полотно, снятое с ткацкого станка, в некоторых случаях белили и мыли (д. Велятичи Борисовского р-на Минской обл.). На беление обыденной ткани имеется указание также у Д.К. Зеленина [Зеленин 1994, 196]. Когда разрезали вытканную губку на несколько ручников, их концы подшивали: «*І выткалі, порозрезвалі, не бэллі, нічога. Позарубвалі*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.).

После того как ручник был выткан, его обносили вокруг деревни. Указаний на архаические ритуальные действия с обыденным ручником, описанные этнографами XIX в. (сжигание, прогонка по нему или под ним скота, проход под ним людей), в наших материалах нет. Большинство информантов сообщали, что в конце обряда ручник или ручники вешали на кресты, которые уже стояли в деревне: «*Вешалі ў нас на перакрестках дарог*» (д. Кожан-Городок Лунинского р-на Брестской обл.); «*Повесяць на пэрэкрестку аднам, на пэрэкрестку другому – кругом, усюды, дзе крыжавыя дарогі*» (д. Люсино Ганцавичского р-на Брестской обл.) – и на новые, специально поставленные мужчинами: «*Крэст – на крыжавых дарогах ставілі*» (х. Казакевичев Сморгонско-

го р-на Гродненской обл.*); «*А крыж эты стаяў, стары такі, абгароджаны. А мужчыны робяць крэст. І там укапаюць. І ут-рам вешаюць рушнік*» (д. Куриловичи Мостовского р-на Гродненской обл.*); «*Паставілі пасярэдзіне дзярэўні крэст. І прывя-залі за той крэст*» (д. Ковшево Мостовско-го р-на Гродненской обл.*); «*І на стары вешалі, і новыя стаўлялі*» (д. Кривичи Зельвенского р-на Гродненской обл.). Причем такому завершению ритуала не обязательно предшествовал обход вокруг деревни с обыденным ручником: «*Не ходзілі по дзярэўні, адразу вешалі на крэст*» (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.).

Если ритуальную ткань помещали в церковь, то сначала ее обносили вместе с иконой вокруг деревни: «*Выткалі і ў царкву аднеслі. Кругом сяла абходзілі з іконай*» (д. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.); «*Взялі ікону і кругом сэла і того ручніка, обышлі і повесілі в цэркву. Нашу ікону "Неопалімая купіна"*» (д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.). В д. Оброво перед круговым обходом ручник проносили по центральной улице женщины и мужчины: «*Уліцэю сэрэднюю попэрок ручныка нэсуть. Як носілі, то і мужчыны носілі ручныка того. І обносілі, як стало розвыд-няты. А сонцэ заходзіло, то кончылі носы-ты*». Другой оброчный ручник, который в этой же деревне ткали после войны, когда от болезни умирало много людей, тоже обнесли вокруг деревни и повесили в церковь: «*Віткалі такіх ручнік і ёго обнеслі вокруг сэла до сходу сонца і повесілі в цэрков*».

Неизвестный ранее вариант завершения ритуала записан в 2001 г.: «*Абашлі ўсю веску клубком нітак, абкружылі, штоб ані да нас не далезьлі*» (д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл.*). Аналогичный факт обматывания поля нитками с целью предохранения посевов от градобития был зафиксирован М. Федоровским в Волковском у. Гродненской губ. (об этом см.: [Зеленин 1994, 198]). Сначала ткали полотно, потом освящали его в костеле, после чего вытягивали из него нитки и наматывали их на колья вокруг всего поля. В нашем случае, кроме тканья обыденного ручника, специально пряли и свивали обрядовую нитку, которой в завершение ритуала обматывали всю де-

ревню, а ее конец завязывали на крест: «*І там калá крастá завязалі. Спецыяльна пралі цэлу ноч тэй клубок, вілі – хто у'е, хто прадзе, хто снуе, хто тчэ. І ніхто нас не разрушыў*» (д. Алексичи Зельвенского р-на Гродненской обл.).

В д. Коротница Бельничского р-на Могилевской обл. женщины, после того как отнесли вытканые ручники в часовню на деревенском кладбище (церкви в деревни не было), возвратились в дом, где ткали, и «*зrabілі столік*». Возможно, ритуальные действия, о которых вспоминали наши информанты, происходили после Пасхи, так как сначала участницы ритуала потребляли освященную пищу, потом оладьи с растертым маком. Вытканые ими ручники, как уже было сказано, сохранились в каплице до наших дней. Их неоднократно стирали, как и другие ручники, украшавшие интерьер часовни.

В д. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл. оброчный ручник, вытканый после войны, долгое время висел в закрытой Михайловской церкви. Во время ремонта церкви, перед ее открытием в начале 1990-х гг., ручник сожгли: «*Гэтой ручнік весіў, пока мы вжэ не абновілі цэркоў. А гэтой ручнік вісеў заўсёды. А вжэ як абновілі, він вжэ ж і гразны, і зношаны*».

Однако, как правило, обыденные ручники, как и индивидуальные ручники-оброки, истлевали на крестах с течением времени: «*Вісело на кресте, пока не порвало – то дождь, то вечер, потом крест тракторысты збілі*» (д. Голдово Лидского р-на Гродненской обл.).

* * *

В заключение необходимо ответить на вопрос, почему древнейшая магическая практика изготовления обыденной ткани, удивлявшая своей архаичностью исследователей XIX в., сохранилась в Беларуси до середины XX в.?

Наши материалы свидетельствуют о том, что в первой половине XX в. этот ритуал, существуя в христианском контексте, в значительной степени продолжал сохранять свои дохристианские формы: *родовой ручник*, локализация места изготовления на границе «своего / чужого», обычай обматывания деревни клубком ниток, сохранивший

семантику круга как магической границы. Семантика и прагматика ритуала подверглись незначительным трансформациям (мотивировка, строгость ритуальных предписаний относительно чистоты участников, частичная замена архаических форм на христианизированные в заключительной части обряда). Не случайно коллективной народной памятью и традицией обыденный ритуал был актуализирован именно в годы Второй мировой войны, трагические события которой на территории Беларуси были прямой угрозой жизни людей.

Жизнеспособность этого архаического ритуала во многом объясняется значительной степенью сохранности в Беларуси ткацкого ремесла, креативностью женской субкультуры в рамках традиционной культуры, до середины XX в. не утратившей способности противостоять разрушительному влиянию на деревенский социум современных форм культуры и идеологии. С уходом из жизни поколения белорусских крестьянок, которые являются последними носителями коллективной культурной памяти и исконного женского ремесла, традиция изготовления обыденного ручника станет достоянием истории.

Литература

- Байбурин 1993 – Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Зеленин 1994 – Зеленин Дм. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре: 1901 – 1913. М., 1994. С. 193–213.
- Иванов, Топоров 1997 – Иванов В.В., Топоров В.Н. Род // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 385.
- Лопатин 2000 – Лопатин Г.И. К вопросу изучения обыденных тканей на Ветковщине // Ручник у прасторы і часе: Мат. міжнар. навук.-практ. канф. (19 – 20 лістапада 1998 г., Мінск). Мн., 2000. С. 110–115.
- Маслова 1984 – Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.
- Толстой 1995 – Толстой Н.И. Оползание и опоясывание храма // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 91–112.

Сокращения

РЭМ – Российский этнографический музей.